

Николай Алексеевич Некрасов
Повесть о бедном Климе (отрывок).

Предисловие: Факт этот не сочинен и в главных чертах совершенно верен действительности, желающий может при случае удостовериться в нем. Имение, о котором здесь говорится, находится во Вл<адимирско>й губернии в Г<ороховско>м и смежных уездах и принадлежит одному из русских вельмож. До какой степени помещик умел оценить этого замечательного крестьянина, видно из той постоянной доверенности, которую он удостоивает его. В последнее время П-нин, по старости и болезни, просил увольнения от своей должности; помещик прислал ему отпускную и некоторые награды, но на просьбу его согласился только вполтину: дозволив ему сдать управление старшему по нем, он оставил П-ну главный надзор за управлением, облегчив таким образом труды старика.

<Глава V>

Наконец прибыли в Фоминку, обширное и богатое село, в котором друзей наших поразило одно обстоятельство: все строения были в нем новые; причина скоро объяснилась: месяца два тому назад всё селение выгорело, и крестьяне выстроились вновь, на что отпущено было каждому из них безвозмездно потребное количество лесу. Эти подробности приятели наши узнали от своего ямщика, который тут же объяснил им, что помещик в деревне не живет, а управляет имением один из его крестьян, живущий в Фоминке.

– А велико имение? – спросил Грачов.

– Да немалое. Во всей-то Адовщине, чай, тысяч шесть душ будет.

– Шесть тысяч душ! – воскликнул Грачов. – И мужик управляет!

– О какой ты упомянул Адовщине? – перебил его <Тростников>, обращаясь к ямщику. – Так у вас зовут деревни, принадлежащие к одной вотчине, что ли?

– Нет, а только деревни, что принадлежат к Алексею Дементьичу, так прозываются.

– Да почему ж так? Барин, что ли, дал такое прозвание?

– А господь знает. Вишь ты, раскольников у них много. Ну и прозвали, спокон веку так: адовщина да адовщинанемрущая.

– А кто такой Алексей Дементьич? – спросил Грачов.

– Да он-то и есть управляющий.

– Хороший человек?

– Уж какой человек! Мужик то есть каких в редкость; кажись, и нет другого такого; приди малый ребенок – он с малым ребенком будет говорить,

– А строг?

– Как сказать? Да вот уж, почитай, тридцать лет сидит управляющим, пальцем никого не тронул, а строг, точно строг. И-и-и, беда у него, коли мужик фальшь какую сделает, – лучше и на глаза не кажись!

– Что же?

– Да так, беда, просто беда! И не приведи бог!

– Что ж, к барину отписывает, что ли? А барин-то, видно, того?

– И, нет! Куда к барину! Станет он барина беспокоить... Ему нечего к барину отписывать. Он сам то есть волен с ослушником распорядиться.

– Ну?

– Ну и распорядится... и выходит тоись плохо тому, кто порядков не соблюл, в чем ни на есть проштрафился.

– Что же то есть?

– Да так... – Ямщик остановился и долго думал. – С одного стыда сгоришь, – произнес он наконец скороговоркою и прикрикнул на лошадей, помахивая кнутом.

Как ни допытывался Грачов, расспрашивая о мерах строгости управляющего, ничего более ямщик сказать ему не мог.

– Все-таки я не понимаю, братец, – сказал он, желая заставить его выразиться определеннее. – Чем он вам так страшен: что такое за сила особенная?

– Чем страшен? Правдой страшен! – резко сказал ямщик. – Правдой страшен, правдой и силен! – прибавил он, как бы раздумывая сам с собою. – Да правдой же и люб, – заключил он вдруг, стегнув по всем по трем. – Эх, вы, соколики!

– Как так, правдой?

– Да уж так, – отвечал ямщик, обнаруживая явное нерасположение продолжать разговор с таким непонятливым слушателем.

Однако ж Грачов не оставил его в покое.

– Видно, он вас балует! – сказал он, пробуя ямщика с другой стороны. – Так вот вы его и хвалите.

– Кто, он, Алексей Дементыч, нас балует? – с жаром возразил ямщик. – Вишь, таковского нашел! Балует. Да он и самого-то себя небось не балует... Да и как ему нас баловать? Ведь он тоже человек подначальный.

– А что ж, может, и барин добрый, так вот и терпит.

– Да что терпеть, нечего терпеть! – заговорил ямщик, задетый за живое, к удовольствию Грачева и его товарищей. – У нас тоись, как он стал управляющим, с того тоись дня ни казенной, ни господской недоимки, тоись каков есть медный грош, не было. Так что тут, выходит, терпеть? А барин точно добрый. Видишь ты, прежде мы были то есть другого барина, а теперешнему достались вот с зимнего Николы тринадцатый год пойдет... Вот как стал новый барин – он было прислал управляющего – барин, что ли, какой тоже, ну, известно: не первый сорт; как его? Мудренное такое прозвание, ЕдуардКондратыч, что ли... Ну и тоже добрый, нечего сказать... Да как стал он свои порядки вводить – так и пошло всё через пень колодой! Не то чтобы и строг, да господь знает отчего? Пошли недоимки, у крестьян промеж собой тоись всякие свары да перекоры... и не приведи бог! Сроду стыда такого не было, чтобы кто из Адовщины с кошлем ходил, а тут, видишь, уж как оно случилось, – гляди, иной последнюю коровушку с двора ведет: податей нечем платить. А мужики все справные, заживные... Бились так-то с год с новым управляющим, и его тож, сердечного, жаль; совсем, сердечный, голову потерял, извелся, похудел даже немец – вестимо, вотчина большая! Думали, думали, – собрали сход: и порешили идти к барину просить старого управляющего. Пошли то есть человек двадцать – всё народ на выбор богатый да толковый... Барин послушался – потребовал к себе Алексея Дементыча да как поговорил с ним, так тотчас и послал его к нам: будь же ты, говорит, у меня управляющим, мне другого не надо. Ну и пошло опять всё, что любо посмотреть. Так вот он каков у нас, Алексей Дементыч! – с гордостью заключил ямщик.

– Что ж он колдовство, что ли, какое знает, по-твоему, – простой мужик, поди и грамоте плохо учен, и получше немца управил?

– Нет, не колдовство знает, а бога боится да мужика бережет, – отвечал ямщик.

– Как солдатство у вас? Видно, солдатством он держит вас?

– У нас солдатство известно как: коли нет, кто бы охотой за вотчину шел, так очередь... В каждой теперича деревне объявит то есть через старост, так и так, дискать: набор, – собрали, бы, дискать, сход да порешили промеж себя: кому – и дали бы знать в контору – к такому-то, понимаешь, времени...

– Ну и что же?

– Ну, мир и решит кому: кого, выходит, но очереди, кого за вину какую, кто сам пожелает... а коли спор какой выйдет, так жеребей кинут. Таким-то манером порешат и дадут знать в контору... А сам Алексей Дементыч и но вступается в мирские дела. Ему лишь бы правда была. Да у нас и всякое дело мир решает. Сбор ли какой ненароком случится, перемена ли какая по земле – велит собрать мир: расскажет, в чем дело, – и как мир решит, так и он.

– А так, чтобы взять то есть с богатого мужичка да вместо него бедного поставить, не водится? – спросил Грачев.

– Коли водится! Да мало того сам, а коли узнает только, что фальшь нам сделал другой, – не приведи бог. Да вот третьего года случай вышел; подлинно вся вотчина сокрушалась – да уж так, видно, было господу богу угодно. У него, понимаете, у самого три сына. Вот как пришел набор – ну, мужики со всех деревень и повестили, как следует, в контору, кому тоись очередь приходит, по мирскому приговору. Только вот наше-то

село, фоминские, не подают повестки, сходятся каждой день, гуторят, спорят, а всё не решают – и уж Алексей Дем<ентьич>понуждение раз и другой сделал, а они всё мешкают. А дело, видишь, было такое, что выходила очередь сыну его родному. Вот мир, понимаешь, и стал в тупик; судили-судили, рядили-рядили да и порешили наконец, что пропустить тоись сына-то Ал<ексея>Дем<ентьича> и сдать, который в порядке, слышь, за ним следует: Михеева сына Силантия. Ну и подали весть в контору, а промеж себя тоись строго положили: молчок! и чтобы Силантий не ртачился да горла не драл, награду ему положили, и большую, а не то, мол, коли станешь у нас горло драть, и так уйдешь, стало, лучше молчи! Ну, и молчит парень...

Собрался, двести рублей мужики ему надавали, всё, почитай, матери отдал, и старуху уломали молчать. Ну, так бы и сошло дело, да как уж совсем собрались везти его в город сдавать, старуха-то и не выдержит; подняла вой, хлопнулась; в ноги Ал<ексею>Дем<ентьичу> да всё ему и рассказала: за твоего сына, говорит, идет! Как рассердился Ал<ексей>Дем<ентьич>, мы тоись никогда его таким не видели, словно гром, голос его по миру прошел; душегубцы, говорит, криводушники! И тоись тут же пятого человека со всего миру розгами хотел наказать... Да, спасибо, ухотился – покричал, покричал – и ни словечка; словно у него язык вдруг отнялся; этак с полчаса будет, я думаю, всё стоял перед всем миром, голову потупивши, да как вдруг закричит: «Гришуха (так его сына звали), полно ободья гнуть (они торгуют санями, так Гришуха ту пору на задворках гнул ободья), будет-ста, собирайся в город! Да у меня, смотри, живо!» И Силантия велел освободить... Выборный было к нему: «Кого же, мол, Ал<ексей> Д<ементьич>, прикажешь вместо Силантия?» Молчит, не твое дело! А сам такой строгий. И хозяйка его вышла. «Гришуху, – говорит, – в город посылаешь?» – «Да, – говорит, – сам повезу», – и ничего больше и ей не сказал. Да, знать, сердце у старухи сказалося: как взвзоет она да как бросится ему в ноги: «Что, мол, хочешь делать, родное детище губить!» – «Молчи, – говорит, – старуха,) ты дела не понимаешь!» И всё торопит: скорей да скорей. Собрался старик, и сын собрался, старуха так вот и убивается: «Скажи-де да скажи, не видать, что ли, мне больше моего! ясного соколика, Гришутку-то моего?» Молчит, погрозил старухе: «Я те, – говорит, – в клеть запру, коли будешь бабиться. Вынеси, – говорит, – икону, благослови да проводи с Христом да с! богом». В горницу вошли (а у него горницы важные, вот увидите: когда становой ли приезжает, проезжие ли господа, всегда у него останавливаются и уж как хвалят), и весь народ не выдержал, тоже хлынул в горницу. Взял он образ и старухе велел взять другой. «Молись!» – говорит сыну. Сын положил три земных поклона и) потом в ноги отцу и матери... И тут уж как стал он его благословлять и говорить таково жалобно да складно, – так весь мир в слезы – всех прошибло – и мужики тоись многие подошли к нему, в пояс кланяются и говорят: «Сами пойдем, детей служить пошлем, только не замай ты сына родного...»

Ямщик остановился: нельзя сказать, затем чтоб отереть слезу (слезы едва ли были на его глазах), но в голосе его было что-то такое, что говорило, что он тронут более чем до слез.

– Ну и что же?

– Ничего не помогло! Свез сына в город да сам и сдал в некруты, – коротко окончил ямщик.

Последовало продолжительное молчание. Теперь только поняли наши путешественники выражение ямщика «правдой страшен, правдой силен». Заинтересованные этим необыкновенным стариком, они пожелали его видеть. Грачев сказал:

– Ты говоришь, что к Ал<ексею>Дем<ентьичу> заезжают проезжие господа?

– Как же, заезжают. Намедни губернатора возили в Муром – у него же останавливался. Попробуйте.

– Не беспокоить бы его?

– А не знаю как. Он добрый такой. Чай, не откажет.

– Ну так вези нас к нему.

– Так его сын и ушел в солдаты? – сказал <Тростников>, возвращаясь к прежнему разговору.

– Так и ушел.

– Да что ж ему за охота была сына отдавать? Ведь, чай, у него деньги есть. Мог бы купить рекрута?

– Да уж так, видно, судьба. Сам барин, говорят, жалился, как узнал, – и ему, слышь, пенял крепко: я бы, говорит, своих денег не пожалел. Да, вишь, мужики-то пока прохлаждались на мирских сходках, время той порой подошло так вкруте, что уже некогда было думать покупать некрута: вези да ставь! Вот и поставили. Да бог, вишь, не оставил старика за его правоту. Вот третьего года Гришуха был в побывке: бравый такой

молодец – и крест уж у него на груди. «Я, – говорит, – братцы, на свою судьбу не жалею: можно, – говорит, – и солдату жить».

Так разговаривая, приятели наши прибыли в село, сопровождаемые сотнею ребятишек, сбежавшихся со всего селения, и подъехали к дому управляющего. Ямщик остановился и, поочередно запустив пальцы в рот лошадям, дал им, как он выражался, профыркаться.

Грачов отправился к управляющему. Жилище его состояло из большого деревянного флигеля, крытого тесом и снабженного довольно большого размера светлыми окнами. Через крылечко с навесом войдя в небольшие сени, он увидел две двери – одна вела направо, другая налево. Не встречая никого, Грачов толкнулся в дверь налево, отворил ее и остановился на пороге. Глазам его представилась сельская контора, находившаяся на ту пору в полном составе своих членов вокруг большого письменного стола, покрытого полинялым зеленым сукном. Заседало несколько мужиков с бородами. На столе находились все принадлежности для письма, несколько счетных книг, господская печать. В углу, под образами, стоял огромный сундук, окованный железом; у стены шкаф, на ту пору раскрытый, в котором помещались кипы бумаг и толстые шнуровые книги. В простенке между двух окон помещался портрет государя императора. Против этого простенка на главном месте сидел человек лет шестидесяти пяти; ростом он был невелик, худощав, сед как лунь и бел лицом необыкновенно; он что-то выкладывал на счетах, и Грачов невольно заметил, что рука его, отличавшаяся такой же мучной белизной, как и лицо, мала и красива, как женская. Но правую руку его сидел высокий черноватый парень лет тридцати в коричневой свитке – это был решительно красавец; по левую руку седенького старичка помещался другой парень в синей сибирке; по ухарской манере, с которою он держал перо в руке, прислушиваясь к словам старика, тотчас видно было, что он мастер писать, и точно: то был писарь Потанина, земский, как их называют в наших сельских управлениях. Прочих лиц ассамблеи Грачов не успел рассмотреть, потому что седенький старичок, привлеченный появлением его, встал и повернулся к двери. Грачов поспешил предупредить его недоумение вопросом:

– Извините. Я проезжий. Еду в свое имение, здесь неподалеку, и желал бы видеть на минуту Алексея Дементьевича, если можно...

– Отчего не можно, – отвечал старичок и, сказав что-то своему соседу справа, продолжал: – Пожалуйте.

Он вышел в сени и, указывая Грачову на противоположную дверь, обязательно повторил:

– Пожалуйте, пожалуйста, милости просим!

Жилище Потанина (читатель догадался, что седенький старичок, встретивший Грачова, был сам Потанин) напоминало) убранством своим постоянные дворы средней руки, встречаемые в уездных городах и больших селах, с одним только исключением: в нем было столько же чисто, сколько в постоянных дворах такого рода бывает грязно. Два дивана и дюжина стульев, обитых кожей, простой стол и два ломберных, образа в серебряных ризах в переднем углу, на стенах литографии – издание господина Логинова – религиозного содержания и гербовник Российской империи, занимавший весь простенок между двумя окнами, – вот убранство комнаты, в которую ввел Потанин своего гостя. Сказав старику свое имя и цель путешествия, Грачов объявил, что с ним есть два приятеля, которые также были приглашены в комнату, после чего старик исчез и не появлялся с четверть часа.

Вошел высокий парень, тот самый, которого видел Грачов в конторе, по правую руку старика, накрыл стол и поставил чашки; потом он принес самовар.

– Да вы, пожалуйста, не хлопчите сами, Ал<ексей>Дем<ентьевич>, мы, кажется, помешали вам, – сказал Грачов. – Пожалуйста, не церемоньтесь с нами. Мы люди дорожные, сами распорядимся. Вас, может быть, ждут в конторе...

– Ничего-с, ничего-с, не извольте беспокоиться. Мы уж всё покончили – только хотели запирать контору.

– Запирать! – заметил <Тростников>. – Да вы, я думаю, только сошлись. Всего седьмой час!

Потанин улыбнулся.

– Нет, мы сошлись, чуть солнышко встало, – сказал он. – Теперь пора рабочая, так иной раз и до солнышка отпираем контору: мужик но барин, ему не рука дожидаться, каждый час дорог. Коли пришел по делу по какому, – опросил его поскорей, в чем, примерно, нужду имеет, и отпуская с богом, а держать не приходится!

– Так, – сказал Грачов. – А много, я думаю, у вас хлопот: вотчина немалая, говорят: шесть тысяч душ!

– Да, шесть тысяч душ, – сказал Потанин, – шесть тысяч как есть.

– Признаться, мы подивились, когда узнали, что вы один управляете такой огромной вотчиной.

– Как один? – возразил Потанин. – Помощники есть: два выборные, два земские, старосту в каждой деревне имеем; рассыльных и почтарей при конторе держим.

– Оно так, а всё же вы всему голова.

– Как есть. До всего сам должен дойти. Ну да ведь и делать больше нечего: оброку избавлен; только и думы, чтобы управить, как поскладнее...

– И управляетесь?

– Да пока бог грехам терпит, управляемся, в добрый час молвить...

– Говорят, у вас и недоимок нет?

– Нет, батюшка. Да и с чего им быть? Оброки небольшие; нашим мужичкам нужно бога молить: господа добрые...

– В вашей стороне, как мы вот поспрашивали дорогой, оброк; во многих вотчинах не больше, однако ж, как послушать, так далеко до вашей исправности...

– Господь знает, отчего так, – отвечал Потанин. – Кажись, народ всё один и угоды одни.

– Вот тут-то, Алексей Дементыч, и видна разница в управлении. Значит, управлять не умеют!

– Да чего тут не уметь? – возразил Потанин. – Нашим мужиком то есть малый ребенок управит, да он и сам-от что малой ребенок; ему только надо растолковать да вразумить его, а коли он вразумится, так вот те и всё: против своей пользы не пойдет, стало, и хорош будет.

– Всё так, да вразумлять их трудно!

– Как примешься; конечно, не знаячи да не умеючи, ничего не сделаешь. А прежь всего правда; коли он видит, что по правде требуешь, так не бойсь: в ину пору, коли нужда приведет, он и) то сделает, чего и сам не чает, что сделать сможет. Сказал: нельзя иначе, братцы! и примерно растолковал им, почему-де иначе нельзя,

– ну, глядишь, и сделано. У нас народ богобоязный и господ почитает...

– А всё же иногда, я думаю, необходимы меры строгости, – заметил <Тростников>. – Вот что меня удивило: у вас, говорят, так и пальцем никого не трогаю<т>.

– По мирскому приговору, – отвечал Потанин, – случается не то что пальцем, и прутиками постегают, да я в мирские дела не вхожу: на то мир! Сегодня, примерно, мир мужика наказал, а завтра он то есть приходит ко мне, я и знать ничего не знаю: он у меня всё тот же, каким был и как есть другие; а уж какой он будет мужик, коли я сам его накажу и ему, как придет, – куда глаза девать, места не сыщет; мужик, мужик, а тоже стыд иметь должен, а потерял стыд, так куды он годен, да и; мне какой уж с ним толк: будет ли слово мое силу над ним иметь, коли он, примерно, в моих глазах срам принял? С таким нечего и слов терять. Да, спасибо, таких бог миловал...

– Ну, я думаю, в семье не без урода, – заметил Грачев.

– Конечно, так, что говорить. Да я таких и не знаю. У меня вся вотчина как один человек.

Потанин замолчал; приятели наши тоже молчали, раздумывая о слышанном. В рассказе его многое показалось им невероятным, и, однако ж, факт был налицо: перед ними сидел простой русский мужичок, едва знающий грамоте, который с помощью одного здравого ума и знания среды, в которой мудрая пронизательность владельца дала поприще его деятельности, управлял шестью тысячами подобных себе, действуя исключительно кротким словом и добрым толком и достигая результатов благодетельных и прекрасных: стар и мал любили его как отца и всё кругом него благоденствовало и благословляло судьбу свою.[8]

– Зато уж как ваши мужички а любят вас, – сказал Грачев.

– А за что им не любить меня? Худого я им ничего не сделал. Супротив правды с ними не поступал. Храни бог!

– Однако ж мы слышали: дорогонько вам стоит любовь их, – заметил Грачев, вспомнив рассказ ямщика о сыне Потанина. – Вы им родным сыном пожертвовали!

– То есть как пожертвовал? Жертвуется то есть, коли дается по доброй воле, а тут закон. Так следовало, и так богу угодно было. Сыновей у меня трое: один и пошел за семью царю служить... и служит, – прибавил старик, по лицу которого пробежала легкая тень задумчивости.

– А всё же, я думаю, жаль было? Старик помолчал.

– Старуха много редела, – наконец сказал он, – да их дело, известно, бабье.

– Однако ж, Алексей Дементыч, правду сказать: в вашем положении легко было избежать...

– Избежать? То есть как: очередь миновать? Чего легче! Стоило, примерно, так счесть (и старик по-ка>зал пальцами): первый, другой (тут он пропустил средний палец и, пригнув следующий, договорил), четвертый... хе-хе!

Он засмеялся тихим серебряным смехом и продолжал:

– Немудрено, да и та еще выгода: счет спорей пойдет. Хе-хе! Да только что народ скажет? Скажет: «А где же третий?» – «Да третий-от, братцы, мой, так вы' его не замайте!» Ну и не тронут, да завтра что будет? Завтра опять, глядишь, пойдет счет на ту же статью – первый, другой... четвертый – и опять: моего не замайте! Да как вся-то вотчина закричит: моего не замай! Так тут что?.. И какой ответ я тут дам? Как взыщу? Коли сам со счету всех сбил, так не спрашивай, зачем криво считают? Хе-хе! Хорош счетчик, в пяти пальцах заплутался, а еще других брался считать обучить... хе-хе! – Старик опять посмеялся и окончил: – Очередь святое дело, храни бог сбиться! Все мы равные у помещика. Последний мужик в вотчине покоряется очереди – жертвует, по-вашему, – так, стало, я был бы, выходит, хуже последнего мужика...

– Ну вы бы как-нибудь будто ненароком сбились! – сказал Грачовс сладкой улыбкой. – Ведь нельзя же не сознаться: своя рубашка к телу ближе...

– Ненароком? – возразил Потанин с жаром. – Нет, уж коли бы думно; было то есть душой покривить, так уж делай, выходит, прямо. А то ненароком! Нет, стало, не знаете, что такое мир, – мир в потемках видит, за тысячу верст слышит... Хе-хе! Обмануть мир! Не приведи бог никого обманывать, а коли одна голова да целый мир думаешь провести – так, стало, в той голове не только, выходит, правды, – в ней, значит, и разуму нет! – заключил Потанин с особенным ударением.

– Ну, наш мужичок довольно прост, – заметил Гр<ачов>, желая вызвать возражение старика.

– Прост? – с улыбкой отвечал Потанин, очевидно угадав неискренность этого замечания. – Шутите, барин! Вот бог приведет, поживете в деревне, сами увидите, как он прост!

Разговор продолжался, но с которой стороны ни заходили приятели наши к старику, они уже ничего более не могли узнать касательно главного вопроса, интересовавшего их, именно касательно его системы управления огромным имением. И не потому, чтоб старик таил что-нибудь: простота этой богатой природы сохранилась так целомудренно, что, казалось, мысль скрывать что-нибудь не могла прийти и в голову старику; он не видел в том ни пользы, ни нужды, но, в сущности, и говорить ему было больше нечего: в главном он совершенно высказался, что ж касается до частных, то он так свикся с своим делом, постоянно пребывая в нем всей деятельностью своей души, что не видел в этих подробностях ничего особенного, ничего такого, о чем стоило бы говорить, хотя, нет сомнения, эти подробности представили бы много любопытного и уяснили бы характер самого Потанина. Приятели наши догадались, что за дальнейшими сведениями нужно адресоваться к лицам посторонним, и прекратили свои расспросы. Продолжая беседовать со стариком (он был любопытен и в свою очередь закидал их вопросами о Петербурге, преимущественно о тамошнем климате, о пароходах и железной дороге, о сравнительной ценности различных житейских потребностей, о холере), они имели много случаев дивиться его ясному уму, здравому смыслу и быстрой сметливости.! Они заметили тоже, что старик был глубоко религиозен, и узнали, что он уже седьмой год не брал в рот мясной пищи, строго исполняя обет воздержания, наложенный с отдачи сына в рекруты. Вина он не брал капли в рот, но любил чай и пил его много. Жена его, появившаяся на несколько минут и ни слова не сказавшая, была простая русская баба, в сарафане и повойнике. Сыновей на ту пору не было дома. Один ловил рыбу, другой услан был в ближайшую деревню Баландино по делу, касавшемуся наших приятелей.

Надобно заметить, что еще при самом начале разговора Потанин объяснил Грачеву, что добраться ему до своей деревни сухим путем нет никакой возможности: вся та сторона была затоплена разлитием! Оки и других рек; до сорока деревень на пространстве 40 верст находились в воде, так что жители имели сообщение с гористым берегом Оки не иначе как на ботниках, садясь в них прямо с порога своей избы. Некоторые деревни были так затоплены, что мужики вовсе принуждены были оставить свои жилища и перебрались со всем имуществом и скотом на места более возвышенные. В иных деревнях вода подходила

под самый пол избы, в иных на четверть и более выше пола. Приятели наши не без удивления выслушали рассказ о несчастном ребенке, который утонул в избе. Он выпал из колыбели и, пока мать, отлучившаяся доить корову, воротилась в избу, захлебнулся, барахтаясь: в луже, стоявшей на четверть выше полу.

– Неужели каждый год разлив бывает так силен? – спросил Грачов.

– Нет, не всегда. Однако ж лет в пять однажды наверно бывает вода не ниже нынешней.

– И долго это продолжается?

– Да с месяц. Вода прибывает быстро. В два дни иногда так всё кругом затопит, что не видать, где был ручей, где лес, где гора, где яма, а сбывает медленно, понемногу. Нынче, я думаю, долго продержится. Жаль бедных мужиков: совсем останутся без хлеба.

– А разве разлив и хлебу вреден?

– А как случится, – отвечал Потанин и сообщил нашим приятелям, что жители этих бедных деревень, расположенных на низменном берегу Оки, постоянно ведут жизнь, подобно азартным игрокам, ставящим на карту всё свое достояние: или пан, или пропал! Если вода не слишком высока и продержится недолго, то хлеб отродится и будет превосходный, лучше, чем родится на горной стороне, если же вода высока и сбывает медленно, то ничего не будет: зерно вымоет, или оно сопреет и не в состоянии будет дать ростков. Тогда эти самые поля, уже раз бесполезно возделанные, удобренные и засеянные, по слитии воды возделываются снова, и на них сеется ярица (неперезимовалая рожь), потому что надо же крестьянину чем-нибудь питаться. Из всех произрастаний земли на этих полях постоянно хорошо родится только лен, который не боится воды, и сметливые мужички пользуются этим. Однако ж обыкновение засеять поля льном на продажу мало распространено между помещичьими крестьянами.

– И много деревень подвержено таким неудобствам? – спросил Грачов.

– Да вот, начиная с Баландина, все деревни по луговой стороне до самого Мурома верст на пятьдесят в воде. К Гороховцу тоже место низменное и ежегодно потопляется водой; да и не к одним деревням теперь доступу нет по милости разлива. До Мурома теперь иначе не доберетесь, как водой – под самый город вода подошла и низменные улицы потопила. А по Гороховцу так иначе и езды лет, как в лодках – вот еще вчера наш почтарь воротился оттуда: письма сдавал да дельце до суда было; так, говорит, и присутствие теперь не бывает; присутственный дом по самые окна в воде, а лодка – дело понятное – не у всякого писца есть...

– Ну, забрались же мы в порядочную глушь! – заметил <Тростников>Грачову. – А ты еще мечтал, что через твою деревню шоссе пойдет.

– Шоссе! – сказал Потанин. – Какое тут шоссе. Да как матушка Ока расходится, разольется, да в, подспорье ей пойдут гулять малые реки (а их тут по луговой стороне и не перечешь), так тут хоть железное шоссе смастери, – и оно не поможет: искоробят и бог весть как раскидают! И признаку его не будет. Вот уж куда бы хорошо шоссе провести – с Мурома на Гороховец или на Вязники к Нижегородскому тракту – и хотели, видно; года с три всё пытали землю: покопают да померяют, вехи поставят, – да вот что-то и затихли: видно, Ока не свой брат – и инженеров в тупик поставила!

Итак, другой сын Потанина был послан отцом в Баландино нарядить мужиков с ботинками для доставления наших друзей в Грачово. До Баландина же стариц обещал дать им лошадей с надежным ямщиком. Когда всё это было переговорено и условлено, Потанин простился с своими гостями <и> ушел, посоветовав им подкрепиться снова, «потому, – говорил он, – хотя до вашей деревни не более девяти верст, однако ж вы вряд ли доберетесь туда ранее вечера, если выедете в полдень». Это известие озадачило наших друзей.

– По часу на версту! – воскликнул Грачов с ужасом. – Хороша должна быть дорожка!

– Но зато местечко, куда ведет такая дорожка, ведь рай, не правда ли? – спросил его <Тростников>.

– Мой дом стоит на возвышенном холме, который никогда не затопляет, – отвечал Грачов обиженным тоном.

– Большое утешение! А кругом вода, вода, вода! Чему же быть больше? Я уверен, что мы будем сидеть на этом возвышенном холме, как сидел капитан Кутль, поджав ноги на стуле, когда хозяйка мыла его комнату. Помнишь Диккенса? Только картина будет несколько величественнее, потому что хозяйка здесь – мать-природа, вздумавшая обмыть твои владения к приезду их помещика, а вместо стула мы будем сидеть, как голуби, на крыше твоего дома, до которой, надеюсь, не дойдет разлив? Жаль, забыли спросить у Потанина!

– Поди ты с своим Диккенсом! – резко отвечал Грачев. – Я нисколько не раскаиваюсь, что приехал сюда: потому что более счастливого соединения обстоятельств, благоприятных охотнику, невозможно требовать.

– Так ты полагаешь, что здешние бекасы и дупели, подобно уткам, держатся на воде... равно тетери и куропатки...

– Я такие глупости предоставляю думать другим! – сухо отвечал Грачев.

– Знаю, что ты всегда думаешь умные вещи.

– Я думаю, что теперь всего лучше лечь спать...

– И вот одна из них! – подхватил <Тростников>. – Только жаль, не твоя: ты украл ее у Потанина.

Они бы непременно поссорились, чем обыкновенно кончались их разговоры, если б усталость, сытный завтрак и опорожненная за ним бутылка портвейну неожиданно не погрузили их на этот раз в глубокий сон.

В полдень Федор их разбудил, и они тронулись в дальнейший путь, сожалея, что им не удалось проститься с хозяином, который не показался при их отбытии, а вызвать его они не решились, думая, что он спит.

Однако ж он не спал. Проехав селение, они увидели гурьбу мальчишек и девочек, усевшихся под тенью старого великолепного вяза, стоящего тут, по уверению их ямщика, с начала света. В самом деле, этому почтенному вязу было по крайней мере триста лет: он прикрывал свою тень юное, нарождающееся поколение всего села, а село было большое, и малолетнего населения в нем считалось не менее полутора ста душ. Любуясь этим прекрасным деревом, <Тростников> невольно подумал, что хотя народ наш обвиняют в отсутствии всякой искры поэзии, однако ж подобное обвинение едва ли справедливо: эти престарелые деревья, встречаемые почти в каждой деревне, нередко одиноко и торжественно возвышающиеся среди бесконечных полей безмолвными свидетелями трудов земледельца, – эти деревья, никому исключительно не принадлежащие и, следовательно, принадлежащие всем, а между тем хранимые, как святыня, – так что не было примера, чтоб кто-нибудь посягнул на подобное дерево, – не указывают ли одни эти деревья на присутствие поэтического чувства в народе, охраняющего их из поколения в поколение вернее всякого запрета и надзора? Впоследствии, пожив в деревне и поприсмотревшись к делу ближе, <Тростников> встретил не одно еще подтверждение своей мысли, о чем мы в своем месте скажем.

Друзья наши были немало удивлены, когда среди ребятишек и девочек, столпившихся под густыми ветвями вяза, увидели Потанина: он сидел среди них и говорил, по-видимому, с жаром, размахивая по своему обыкновению левой рукой, и; некоторые слова неожиданно вскрикивал так громко, что они доходили до наших приятелей, которые только что еще спускались с горы, от которой вяз был еще довольно далеко.

– Ба, да никак тут и сам Алексей Дементыч! – вскричал Тростников, обращаясь к ямщику.

Ямщик был видный русский парень в красной рубашке, лет девятнадцати, служивший почтарем при конторе Потанина.

– Он и есть, – отвечал ямщик.

– Что ж он тут делает? – спросил Грачев.

– А говорит.

– С мальчишками?

– С мальчишками да с девочками. Он говорит, а они слушают; вишь, как притихли, пострелята; иной раз им угомону нет, а тут молчок, словно кулак проглотили.

И он глуповато усмехнулся.

– Да о чем же он говорит?

– А кто его знает. Он часто так. Пойдет по деревне, а они гурьбой за ним да | за ним. За полы его хватают, а он ничего! Вот и начнет им говорить, усядутся вокруг него – и уж как говорит, словно пишет! Всё | бы слушал! Я сам, как мальчишкой был, так, бывало, пряником не корми, дай его послушать...

– Что ж он говорит?

– А всё, – отвечал ямщик и замолчал, поравнявшись в ту минуту с группой, в центре которой находился Потанин.

– Доброго пути! – сказал Потанин, встав и направляясь к экипажу, причем маленькие слушатели его быстро и почтительно расступились.

Ямщик остановился.

- Позвольте, Алек<сей>Дем<ентьич>, засвидетельствовать вам почтение и поблагодарить за гостеприимство!
- сказал Грачов, приподнимая фуражку.
- То же сделал и товарищ его.
- Не на чем, батюшка, – отвечал старик. – Дай бог благополучно добраться до места. Впредь милости просим!
- Благодарствуйте; будем теперь мы близкие соседи. К нам, Ал<ексей>Дем<ентьич>, сделайте одолжение.
- Как вода сольет? С моим удовольствием. Счастливого пути!
- Прощайте!
- А скажите-ка нам, Алек<сей>Дем<ентьич>, что вы тут поделяваете? – спросил Тростников. – Вишь, у вас какая публика собралась – и всё парод такой крупной!
- Потанин усмехнулся.
- А так, ничего не делаю. Мне, старику, иной раз скучно, так я вот в досужий час с ребятишками... известное дело, и пословица говорит, что старой, что малой – всё одно! Сказочки им сказываю...
- Приятели наши дружески пожали старику руку, и тарантас тронулся. Отъехав несколько шагов, они невольно оглянулись: группа под вязом пришла в прежний порядок, старик говорил, маленькая публика внимательно его слушала.
- Скажи ты мне наконец, что ж он им говорит, братец? – спросил Грачов ямщика.
- А рази я отсель слышу? – отвечал парень, потеряв, по-видимому, расположение к словоохотливости.
- Ах, братец, так ты, выходит, вахлак! – возразил Грачов. – Кабы отсель было слышно, так я те и спрашивать бы не стал, свои уши есть! А ты говоришь, сам слыхивал его речи, как мальчишкой был, а спросили – и стал в тупик! Хорошо, видно, слушал: спал, значит!
- Спал? Ну нет, барин: слушавши его, не уснешь, не таков человек!
- Ну так что ж он вам говорил?
- Что говорил? Говорил всё. Мне поего не сказать!
- Ну как умеешь.
- Да никак не умею. Говорил, известно: кто таков бог есть, кто таков царь, кто таков барин.
- Ну а еще?
- К чему какая вещь служит, говорил. Есть у него книжка, в ней всё, выходит, описано, как до чего люди дошли: как сеять хлеб начали, как огонь добыли, ну и разное, – возьмет ее и читает: послушать любо и занятно так, словно сказку слушаешь! Псалтырь тоже читал.
- Ну а еще что говорил?
- Да всего не припомнишь. Отца, говорит, почитай, бога бойся, старших слушайся – и всё расскажет: почему так должно выходить. Для чего царству воинство нужно, говорил; известно, он всё знает; хоть целый день его спрашивай, – всё будет говорить... Да вы, чай, сами слышали.
- Как же, братец. Умный человек ваш управляющий. И добрый такой.
- Такого человека, кажись, весь мир изойди, другого не найдешь, – отвечал ямщик, – душа божеская! Тпррр!
- Что такое?
- Да вот сами, чай, видите, – отвечал ямщик, останавливая лошадей...